

С возвращением Вэнь Жуня частная школа вновь открылась — у детей появилось настоящее место для занятий, и Вэнь Жунь даже приобрёл кое-какие новые учебные принадлежности.

Прежде всего он проверил, насколько дети усвоили пройденное. Все справились неплохо — запомнили всё, чему учили.

Затем Вэнь Жунь начал тестировать их знания иероглифов: ребята уже узнавали почти все распространённые знаки, разве что самые редкие и сложные пока не знали.

Сам Вэнь Жунь стал обучать их этим редким иероглифам, а также заставил тщательно заучивать «Триста стихотворений династии Тан», чтобы развивать у детей вкус к поэзии и литературе.

Лето приближалось, погода становилась жарче, и Вэнь Жунь решил ввести в расписание и обед.

Утром дети приходили на занятия и сразу выпивали по большой чашке отвара из зелёного горошка.

Днём они обедали прямо здесь, а потом возвращались домой. Днём же дома их ждали домашние дела: кто-то ходил за кормом для свиней, кто-то рубил дрова — в общем, без дела никто не сидел. Такова была жизнь крестьян.

Сам Вэнь Жунь мог бы и отдохнуть — он всего два дня наслаждался домашним уютом, как тут вернулись дядя Ян и другие.

— Что случилось? — Вэнь Жунь увидел, что дядя Чжан и дядя Ян пришли вместе и снова выглядят мрачно, и невольно улыбнулся. — Не разузнали ещё? Или что-то новое?

— Разузнали, — уныло сообщил дядя Ян. — В уездной управе снова набрали триста человек.

— Говорят, все — «байбан» («бесплатные помощники»), — добавил он.

То есть «байи» — неофициальные служащие без жалованья, но с возможностью неплохо «подработать» за счёт поборов и взяток.

— Опять триста?! — Вэнь Жунь широко раскрыл глаза. — Получается, в управе теперь как минимум тысяча человек?

В маленьком нижнем уезде тысяча служащих — будь то штатные ямэни, помощники или «байи» — это явно превышает все мыслимые нормы.

Тысяча человек! Где столько дел, чтобы занять их всех?

И это только ямэни. Кроме них, по штату полагался один начальник сыскной службы, двадцать с лишним сыщиков (букуай), а вот «буши» (помощники сыщиков) вообще не ограничивались численно.

— Ещё набрали более ста «буши», — сообщил дядя Чжан. — Из нашей деревни Ляньхуаао одного человека взяли на эту должность.

— Кого? — Вэнь Жунь последние два дня был полностью погружён в устройство школы и обучение детей и совершенно не следил за происходящим снаружи. Он считал, что всё спокойно: продовольствие собрано и отправлено в лагерь, поля засеяны, скоро начнётся прополка — и так до самой осенней жатвы не будет передышки. Поэтому он и не волновался.

Домашним хозяйством — курами, утками, гусями, свиньями и собаками — занимались две женщины в доме. В этом году они завели по сто кур, сто уток и сто гусей, а также семь-восемь свиней. Двор был большой, работников хватало, так что разведение птицы и скота было выгодно: даже если не продавать яйца, всё равно можно будет есть мясо!

Вот Вэнь Жунь как раз и подсчитывал, сколько мяса и яиц получится к осени, как вдруг услышал, что управа продолжает массово набирать людей, — и был потрясён.

— Помнишь Ма Саня из нашей деревни? — сердито спросил дядя Чжан. — Этот бездельник всю жизнь воровал и дебоширил, а теперь устроился в управу «буши». Говорят, из деревни Вэньцзячжуань тоже кого-то взяли — на должность «байи».

— «Байи»... но ведь это всё равно из Вэньцзячжуань, — лицо Вэнь Жуня потемнело.

Что задумали в Вэньцзячжуань?

— Но не волнуйся, — успокоил его дядя Чжан. — Эти «байи» хоть и из Вэньцзячжуаня, но не из рода Вэнь. Это те самые головорезы — главарь «цинпи» и его шайка. Магистрат, можно сказать, сделал доброе дело для народа: прибрал этих бездельников под руку. Теперь, будучи «байи», они обязаны днём находиться в управе, и это хоть немного сдерживает их поведение. А ночью все спят — кому охота шляться по улицам?

— Да и магистрат, похоже, сделал это специально для тебя, — добавил он.

— Для меня? — Вэнь Жунь задумался. — Вы хотите сказать... что, став «байи», они теперь хоть немного под защитой власти? Даже если род Вэнь в Вэньцзячжуань очень силён, он не посмеет теперь их тронуть — иначе это будет напрямую противостояние с властями.

А в древности за такое полагалась суровая кара.

Если бы род Вэнь разозлился по-настоящему, они вполне могли бы устроить самосуд — в конце концов, клан силен, а «закон не наказывает толпу».

Вэнь Жунь вдруг всё понял — и по спине пробежал холодный пот:

— Я совсем забыл! Я-то цзюйжэнь, мне не страшны угрозы, но они — простые крестьяне. Если бы род Вэнь вышел из себя, они могли бы просто... исчезнуть. Это вполне реально...

В ту эпоху власть родовых кланов была огромной — устранить одного-двух человек для них не составляло труда.

— Ты всё правильно понял, — кивнул дядя Чжан. — Магистрат, видимо, так и рассуждал. Поэтому он никого из рода Вэнь не брал, а взял именно этих головорезов в «байи». Это своего рода защита для них. К тому же, как мне сказал Юань Дао, молодёжь из Вэньцзячжуаня до сих пор не вернулась. Весенний посев вели старики, женщины и дети, и в деревне сплошные жалобы.

— Они выбрали слишком далёкие места, — пояснил дядя Ян. — Ближайший лагерь — Шаньнаньский, но туда никто не хотел идти. Мы вернулись за полмесяца, а им придётся идти как минимум месяц, да ещё вставать на заре и возвращаться затемно. Если немного задержаться — и время посева упущено.

— Неудивительно, что в Вэньцзячжуане одни жалобы! — добавил он. — Говорят, они поставили больше всех людей, причём власти прямо указали им квоту. Остальные деревни тайно радуются.

— Все метут только у своего порога, а чужую крышу не чистят от снега, — задумчиво сказал Вэнь Жунь. — Но зачем набирать столько людей? Уже больше тысячи!

Раньше было около тысячи, теперь точно перевалило за тысячу, а если прибавить прежний штат управы — легко наберётся полторы тысячи человек.

Кроме канцелярских писцов, почти все — от самого магистрата и ниже — были молодыми, крепкими мужчинами.

Пусть они и не воины, способные сразиться один против десяти, но призвать их к оружию — и они вполне могут постоять за себя.

Вся уездная управа, сверху донизу, почти не насчитывала пожилых людей. Вместо этого туда массово набирали молодых, здоровых мужчин — причём не на канцелярские должности, а исключительно в сыскную службу: букуай, буши, ямэни и «байи».

Иными словами, все эти люди имели право носить оружие.

Эпоха, в которую попал Вэнь Жунь, хоть и не совпадала ни с одним знакомым ему историческим периодом, всё же была феодальной монархией, где обычаи и нравы сильно напоминали те, что существовали в его родной истории.

Например, вопрос оружия.

Вне зависимости от того, была ли эпоха эпохой холодного или огнестрельного оружия, оружие всегда оставалось строго контролируемым предметом.

Особенно в эту эпоху феодальной монархии оружие строго контролировалось.

Даже мясницкий нож у мясника, топор у дровосека и охотничий нож у егеря — всё это должно было быть зарегистрировано в местных властях.

Большинство сельскохозяйственных орудий, таких как лопаты и мотыги, делались из дерева, а не из металла.

Люди, не состоявшие на службе у властей, не имели права носить оружие. Даже те самые «великие герои» и странствующие воины, о которых ходили легенды, обязательно имели официальное происхождение или особый статус, позволявший им легально носить оружие.

Сами власти тоже не были вооружены до зубов. Возьмём, к примеру, их уезд Юннин: как нижний уезд, здесь среди служащих управы семьдесят процентов занимались исключительно канцелярской работой.

Писцы, канцелярские служащие, бухгалтеры — никто из них не имел права на ношение оружия.

Только военные должности позволяли это: начальник сыскной службы мог носить меч и колчан со стрелами за спиной,

сыщики (букуай) обязаны были носить мечи, а у некоторых даже имелись специальные сетки из плотной ткани для поимки особо опасных преступников.

Помощники сыщиков (буши) также имели право на меч.

Но... есть ли у уездной управы столько оружия?

Раньше людей было гораздо меньше, и никто никогда не слышал, чтобы в управе хранился запас оружия.

Чтобы получить оружие, сначала нужно, чтобы оно где-то хранилось. Уездная управа не могла просто взять и получить оружие — для этого требовалось подавать заявку в префектурную управу, после чего оружие выдавалось из военного арсенала префектурного города.

Частные лица могли коллекционировать старинное оружие, но только тупое, без заточки, и исключительно как предметы интерьера или антиквариат — использовать их было строго запрещено.

Если же кто-то тайно хранил боевое оружие или военное снаряжение, независимо от причины, его немедленно приравнивали к мятежникам.

К тому же доставка вооружения в уезд требует времени. А тут — бац! — новые служащие уже назначены, оружие уже выдано, и, возможно, даже заточено.

Значит, всё это было подготовлено заранее?

Всё указывает на то, что кто-то давно всё спланировал.

Вэнь Жунь долго размышлял, выпив до дна чашку за чашкой, и наконец тихо, но твёрдо произнёс:

— Боюсь, грядут большие перемены.

— Мы тоже чувствуем, что что-то не так, — сказал дядя Чжан. — Но что именно? Ты человек начитанный и много повидал — подскажи, как ты это понимаешь?

— Когда я возил продовольствие в армию, Ван Цзюнь говорил, что у них не хватает припасов: даже такой парень, как Лян Эр, вынужден был ходить собирать продовольствие. Ещё он упоминал, что не хватает людей — хотят расширять штат... Но почему в тыловом лагере, который должен спокойно обеспечивать армию, вдруг переводят людей на передовую, а кухонной команде едва хватает сил справляться? По-моему, готовится крупная военная операция — либо настоящая война, либо решительная кампания по уничтожению бандитов. Я спрашивал Ван Цзюня: почему так долго идёт борьба с бандитами? Он ответил, что, мол, «это воля вышестоящих». Я предполагаю, что власти последние годы методично загоняли этих бандитов в один район, чтобы теперь одним ударом уничтожить их всех. Но боятся, что кто-то ускользнёт, поэтому требуют от всех уездов и префектур усилить бдительность и набирать больше людей. Наверное, именно поэтому.

Собрав воедино все обрывки информации, Вэнь Жунь пришёл именно к такому выводу.

— Значит, надо готовиться к обороне! — дядя Чжан сразу занервничал. — Если сюда придут беглые бандиты или разбойники — это будет очень опасно! Ты ведь ещё не знаешь: крупные роды вроде Вэньцзячжуаня не боятся нападений — у них много людей, стоит дать сигнал, и

весь клан поднимется на защиту. А у нас-то народу мало, да и молодых мужчин после вычета стариков, женщин и детей почти не остаётся.

Обороняться будет трудно.

— Давайте сделаем так: срубим деревянные заграждения-«цзюйма» или хотя бы укрепим стены глиной, — предложил Вэнь Жунь. — Ляньхуаао небольшая деревня — быстро управимся. Деревя и глины у нас полно.

— Глину в это лето лучше не использовать, — возразил дядя Чжан. — Дождей много, глина размоется. Лучше срубить деревянные заграждения. Заодно посадим деревья — вырастут, и будущим поколениям пригодятся.

Он хотел высадить ряды деревьев и перед ними установить заграждения — так и дешевле, и полезнее в долгосрочной перспективе.

— Хорошо, — согласился Вэнь Жунь. — Пусть все крепко запирают ворота. У кого есть собаки — отлично, у кого нет — пусть заведут. А ещё пускай гусей держат на свободном выгуле: эти птицы больно клюют и отлично сторожат!

Дядя Чжан рассмеялся:

— Это и без тебя знаем. Ляньхуаао — место глухое, без защиты никак не обойтись.

Вэнь Жунь сам никогда не сталкивался с разбойниками в эпоху холодного оружия, но в памяти прежнего владельца тела жил глубокий страх перед такими бедствиями — поэтому он решил заранее подготовиться.

Его дом стоял на высоком фундаменте, с толстыми стенами и прочной постройкой — но именно поэтому он и был слишком заметен: сразу видно — богатый дом.

Если разбойники действительно сюда придут, первым делом они наверняка нацелятся именно на него!

Без защиты не обойтись — ни в коем случае!

Проводив обоих старост, Вэнь Жунь собрал наёмных работников, поделился своими опасениями и приказал:

— Следите особенно за главными воротами дома и за входом в школу. Боковые ворота можно не охранять — они ведут прямо в школьный двор, так что достаточно контролировать два основных входа.

Ещё при строительстве он специально сделал высокие стены: деревня Ляньхуаао находилась на окраине, и иногда сюда забредали дикие звери. Теперь эти стены пригодились и от людей: обычному разбойнику не перелезть.

Главную угрозу он видел в прямом штурме через ворота.

Вэнь Жуню было не по себе, но и вся деревня уже оживилась: не только установили деревянные заграждения, но и заделали трещины в стенах глиной, воткнули на верхушки стен острые сучья — получилось хоть какое-то подобие обороны.

Весь посёлок теперь окружили «цзюйма» — выглядело всё довольно серьёзно.

Кроме того, Вэнь Жунь велел всем почистить погреба — чтобы было куда спрятаться в случае опасности.

Люди, чьи предки пережили набеги беглых крестьян и разбойников, знали толк в таких делах: они не только привели погреба в порядок, но и выкопали за ними тайные укрытия, запаслись водой и едой.

На всякий случай туда же спрятали немного денег и ценных вещей. Хотя сами они не сталкивались с крупными бандами, мелкие стычки с разбойниками в прошлом случались — потому все отнеслись к подготовке с полной серьёзностью.

Кроме того, по мере приближения жары Вэнь Жунь велел заменить москитные сетки, чтобы защититься от укусов насекомых.

В начале лета гремели грозы, ветер шелестел тревожно — хотя до полной паники, конечно, не доходило, но атмосфера в уезде Юннин явно накалялась.

Сюй Юй даже специально приехал:

— В уездном городе сейчас всё в панике: ворота открывают на час позже обычного и закрывают на час раньше. У ворот дежурят стражники — хоть и не обыскивают всех подряд, но смотрят так пристально и угрожающе, что становится не по себе.

Раньше, когда Сюй Юй навещал Вэнь Жуня, он приезжал лишь с возницей, слугой или книжным мальчиком.

Но на этот раз с ним было целых восемь домашних слуг. Вернее, не просто слуг — все они были коренастыми, широкоплечими, с железными дубинками в руках.

Ясно было видно: это не прислуга, а охрана. Раньше Сюй Юй никогда не выставлял напоказ

такую свиту.

— Я уже и сам испугался, — горько усмехнулся Вэнь Жунь. — Не смею выходить из дома, в город не езжу — сижу тихо. Думал, собрали продовольствие, отправили в лагерь — и дело с концом. Кто же знал... Эх!

— Тебе и дома неплохо, — сказал Сюй Юй. — Место глухое, чужак сюда и не найдёт дорогу. В городе же цены на зерно взлетели, народ суетится, ходят тёмные слухи. Магистрат даже видимости спокойствия больше не поддерживает — совсем перестал что-либо объяснять. От этого и паника растёт: каждый толкует по-своему.

— И ты не шлейся больше без дела, — посоветовал Вэнь Жунь. — Быстрее возвращайся: в городе всё-таки безопаснее. А как там академия? Всё в порядке?

— Всё хорошо, — ответил Сюй Юй. — И ты тоже не рискуй. У тебя тут высокие стены и крепкий дом — вроде бы и обороняться можно. Но если станет совсем туго, собирай людей и вещи — лучше на время переберись в город.

Он искренне переживал за Вэнь Жуня.

— Хорошо, понял, — кивнул тот.

Проводив Сюй Юя, Вэнь Жунь ещё больше усилил бдительность.

Но едва Сюй Юй уехал, как появился Ма Сань.

<http://bllate.org/book/15642/1398108>